ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВРЕМЯ И КУЛЬТУРА В АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ДРЕВНИХ И СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ

Материалы XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции

«Аграф-Пресс»
2008

К.П. ЧЕРЕМИСИНА
Россия, Томск
Томский государственный университет

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ САКРАЛЬНОГО – ОБЫДЕННОГО В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ХАНТОВ

В работах ученых-этнографов, (в том числе угроведов), часто употребляется термин «сакральное». Противоположным ему является термин «обыденное», синонимами которого выступают «мирское», «профанное». Особенно часто такая оппозиция встречается в работах этнографов-структуралистов.

Как пишет Кайуа: «В сущности, сакральное вызывает у верующего точно те же чувства, что и огонь у ребенка: тот же страх обжечься, то же желание развести его; то же волнение от присутствия чего-то запретного, ту же веру, что его покорение приносит силу и престиж – или рану и смерть при неудаче. И подобно тому, как огонь производит одновременно и добро и зло, так и сакральное обладает благоприятным или неблагоприятным действием и характеризуется противоположными понятиями чистого и нечистого, святого и кощунственного, которые своими границами как раз и обозначают пределы религиозного мира» (Кайуа, 2003, с. 166).

Очевидно, что сакральное и обыденное должны наполниться конкретным содержанием в науке, поскольку имеют место в действительности и отражают конкретные реалии жизни. Иначе говоря, в специальной литературе должны быть выработаны критерии для выделения этих особых понятий, наполнения их конкретным содержанием. В настоящее время термин «сакральное», имеющий буквальный перевод с латинского как «священное», имеет слишком широкое и неопределенное значение. Это же можно сказать и о семантически противоположном термине. Я пока не имею опыта полевых исследований, не располагаю собственными материалами, поэтому буду использовать опубликованные в литературе сведения.

Прежде всего примечателен тот факт, что у хантов сакральным является почти все: человек и его отдельные органы, окружающий мир, жилище, утварь, явления природы, небесные тела, животные, растения, камни и т.д. Кажется, что в таком случае нет никакой необходимости выделять мир обыденного как особую категорию. Однако он существует, хотя по отношению к сакральному находится как бы в тени и проявляет себя, когда требуется противопоставление.

Ханты термином «jem» обозначают такие понятия как «хороший», «допустимый», «священный». Напротив, термин «atəm» употребляется для обозначения понятий дурного, недопустимого, запрещенного (Мифология хантов, 2000, с. 112, 134). Здесь необходимо оговориться: научное понятие сакрального и обыденного совпадают с приведенными бытовыми терминами лишь частично. Термин «jem» гораздо шире, чем научный термин «сакральный», точно так же, как термин «atəm» в бытовом значении по отношению к термину «мирской».

Приведем некоторые примеры. В бытовом значении ханты называют огонь «tut» (Там же, с. 178). Над ним можно просушивать одежду, подвешивать котел с пищей, у него можно обогреться и т.д. Но есть еще и огонь священный, называемый «nai». Этот огонь сакрализован, на нем готовят только жертвенное угощение, нагревают шаманский бубен перед камланием и в особых случаях разводят на жертвенном месте при помощи трения. Он персонифицирован и ассоциируется с Матерью огня – Anki nai (Там же, с. 178).

Деревянные человекоподобные изображения, идолы, которые могут быть личными, семейными, родовыми, являются сакральными фигурами. Поведение по отношению к ним строго регламентировано. К ним обращались за различной помощью, им приносили эпизодически или периодически жертву (кровавую или бескровную). Считалось, что если идол не оказывал должной помощи, его можно сломать, выбросить, наказать и заменить новым. Однако наказание должно быть обоснованным и обязательно объяснено (Зуев, 1947, с. 40). Замененное изображение духа лишалось сакральности равно, как и место вокруг родового духа, как правило, находящегося внутри священного амбарчика или рядом с ним, если дух был повержен пришельцами. Люди, находящиеся под покровительством этого духа, как бы лишались его помощи и делались более уязвимыми (Головнев, 1995, с. 152).

Шаманский бубен – вещь, безусловно, сакральная: это место, куда собираются духи-помощники, это и ездовое животное шамана, и лодка, на которой шаман переправляется в другие миры, преодолевая водные преграды (Мифология хантов, 2000, с. 144, 157). Однако бубен перестает выполнять эти

функции и лишается сакральности, если шаман, чувствуя приближение смерти, ударом ножа повреждает обтяжку бубна (Кулемзин В.М., 1976, с. 135).

Еще один пример, описанный В.М. Кулемзиным, касается лишения сакральности особых охотничьих лыж – *нимэл* (Мифология хантов, 2000, с. 181), на которых охотник еще и совершал поход в священное место к своему идолу. Если ханта-охотника его же сородичи заставали за хулиганским разорением чужой ловушки (т.е. он не насторожил ее обратно – *К.Ч.*), то прямо на месте преступления ему обрезали крепления его *нимэл*. Таким образом он лишался возможности похода в свое священное место, к своему идолу, тем самым лишаясь его покровительства.

В книге Обдорской управы встречаем интересный пример – у одного ханта-рыбака пытались отнять невод, обвиняя его в том, что промышляет на чужом прикормленном месте. Известно, что промысловый инвентарь также сакрализован (Обдорской управы книга…, 1970, с. 51).

Анализируя эти и многие другие примеры, можно сделать предварительный вывод о том, что важнейшим признаком сакрального является отсутствие критического отношения к нему. Оно не может быть использовано в различных бытовых целях. Здесь сакральное уподобляется ритуалу и не более того.

На вопрос о смысловом значении сакрального, можно предположить, что смысл сакрального заключается в возможности его десакрализации. Человек, лишенный сакральности, практически исключается из рода – социального коллектива, социума. Как пишет Зибарев: «Высшей мерой наказания у народов Севера являлось изгнание закоренелого, по их представлениям, преступника из своей среды, что было крайне редким, если не сказать редчайшим явлением» (1990, с. 78).

Видимо, представления хантов о сакральном придавали их обществу нормативный характер, делая его контролируемым. При этом, «закону» сакральности подчинялись одинаково люди и вещи.

Приведенные в статье примеры позволяют предположить, что изучение обозначенного вопроса дает ключ к пониманию закономерностей развития хантыйского общества. Глубокая разработка проблемы сакрального и обыденного, как принципов, лежащих в основе построения общества хантов и других традиционных народов Севера, является важной задачей современного этнографа.

Л.И. ШЕРСТОВА
Россия, Томск
Томский политехнический университет

«СВОИ-ЧУЖИЕ» В РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ АЛТАЯ

Религиозно-мифологическое объяснение окружающего мира является важнейшим проявлением традиционного сознания, обладающего высокой степенью устойчивости и сохраняющегося в виде пережиточных форм у разных народов, независимо от степени их социально-экономического развития. Необходимость ориентации не только в природном, но и социальном окружении есть непременное условие благополучного развития этносов.

Представление об этнической неоднородности Сибири в прошлом и в настоящем занимало важное место в картине мира аборигенного населения и находило выражение в разнообразных формах социальных отношений с реально существовавшими иноэтничными группами, а также отражалось в религиозно-мифологической традиции. При этом следует отметить, что социальная или этническая, реальная или религиозно-мифологическая гетерогенность осмысливалась в рамках оппозиции «свои-чужие». В одних обстоятельствах это противопоставление могло быть нечетким, размытым, данная человеческая общность не придавала ему особого значения; в других оно, напротив, становилось определяющим – как внутри этого этноса между его членами, так и в его отношениях с другими группами населения. Подчеркну, что традиционному сознанию присуще представление о неразрывной взаимосвязи Социума и Космоса: трансформации социального или этнического бытия влекут за собой природные изменения, вплоть до мировых катастроф. Соответственно, существует и обратная связь: нарушение природной гармонии, привычной картины окружающего пространства приводит к социальным потрясениям и конфликтам. Отсутствие представления о линейности времени приводило к нерасчлененности в восприятии прошлого, настоящего и будущего: все эти категории времени мог-